

Встреча с интересным человеком

В тот вечер ее героиня явно маялась на сцене. Ей нестерпимо чего-то хотелось: то ли «насолить» маменьке и папеньке, то ли околпачить Вово, то ли устроить свой одинокий карнавал... Знакомьтесь! Бетси Звездинцева в исполнении заслуженной артистки РСФСР Татьяны Васильевой.

Кто видел спектакль «Плоды просвещения» в театре им. Вл. Маяковского, вряд ли забудет ту лавину, тот каскад немилых грюков, который обрушивает на зрителя актриса. Наш разговор состоялся после спектакля. Актриса устала. В ней не успела еще «остыть» Бетси: колкая, ироничная...

— Откуда я знаю, — неожиданно после паузы произнесла Татьяна Григорьевна, — быть может, все мои работы неудачны...

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С АКТЕРА

«Вот тебе и раз», — подумалось мне. И все заранее заготовленные вопросы отошли на задний план. А актриса продолжала размышлять вслух:

— Вот, кажется, спектакль «Завтра была война» по повести Бориса Васильева... Какие тут могут быть сомнения? Моя героиня — мать Искры Поляковой. Видный партийный работник, участница гражданской войны, женщина с необычайной силой воли. Дочь мысленно зовет ее Комиссаром, а весь город — товарищ Полякова. Женщина без личной жизни, без колебаний. Она руководствуется исключительно чувством долга, живет по законам своего звездного часа — гражданской войны. И вижу, вижу свою Полякову: угловатую, неудобную, прячущую свое женское одиночество. И тут же чувствую: стереотипно мое видение. И получается что-то чужое. И от этого каждый раз, выходя на сцену, мучаюсь. Мне даже стыдно порой. Ведь сознаю, что делаю что-то не так, а все равно играю. Разве можно назвать подобное удачей?..

Вот всегда Васильева такая. Открытая, самокритичная, смелая. Неудача, и все тут... А мне нравятся ее Полякова. Кажется, что именно такой и должна быть эта женщина: суровая и непрелюбная.

— И все-таки, Татьяна Григорьевна, как проходила работа над этой ролью?

— Тяжело. Когда взялась за нее, это был своего рода эксперимент. Просто не знала, с чего начать. Женщина с железной силой воли — кто угодно, но только не я. И все-таки взялась, рискнула испытать себя. Искала людей, которые хоть чем-то напоминают героиню. И знаете — нашла! Таким человеком оказалась моя мама. Я родилась после войны. Как это бывает в детстве, остро впитывала увиденное и ничего не забывала. Как мне сейчас пригодились «застрявшие» в памяти мелочи тогдашнего нашего житья-бытья. Мамина одежда, например. Грубое пальто из толстого сукна, перешитое из отцовской шинели. В таком же пальто с неженскими пуговицами, с солдатским широким ремнем я репетировала свою роль. Правда, на генеральном прогоне этот костюм был отвергнут. И тем не менее он очень помог в работе над образом Поляковой-старшей. Хотя, конечно, надо признать: в том, что этот мой эксперимент состоялся, прежде всего «повинен» режиссер спектакля, поверивший в меня.

— Так что же такое хороший режиссер в вашем понимании?

— Тот, который знает, чего он хочет. Андрей Гончаров, например. С ним интересно работать. Он ставит конкретную задачу перед актерами, не размазывая кашу по тарелке в начале работы

и не торопя в конце. Умеет распределять время. Конечно, это и Петр Фоменко. С ним мы репетировали «Плоды просвещения». Я деботировала в этом спектакле на сцене Театра им. Вл. Маяковского. Будто заново родилась. Мне ничего не навязывали, ничего не показывали. Но я чувствовала, как меня подводят к желаемому итогу.

— До этого вы работали в театре Сатиры. Почему ушли?

— Причин много. И одна из первых заключается в том, что, выйдя в один прекрасный вечер на сцену, я вдруг с ужасом поняла, что надоела. Всем. И зрителям, и партнерам, и, что самое страшное, — себе. Хотелось чего-то нового.

— Может, эксперимента, о котором вы говорите?

— Возможно. Я очень любила театр Сатиры. Он сформировал меня как актрису. Здесь я поняла, что в театре важнее все: и как ты играешь, и как играет твой партнер... Кстати, знаете, что для меня очень важно на сцене? Глаза партнера. Ужасно, если в них нет ничего, кроме пустоты. Мне никогда не забыть глаза Спартака Мишулина. Многие зрители считают его чудачком и простаком. На самом деле он глубокий, трагический актер. В «Беге» Булгакова он играл Черногу. Какие у него были глаза! Большие, грустные, трагические. Как помогли они мне играть. Нет, не играть — жить жизнью страдающих, запутавшихся людей.

— В чем, на ваш взгляд, счастье актрисы?

— Быть постоянно в работе! Иметь возможность делать работу так, как требует режиссер. Будоражить сердца зрителей. Меня иногда спрашивают, легко ли быть актрисой. Наверное, легко, если сможешь везде и всюду успевать, если способна разрываться между домом и театром, телевидением и киностудиями. Если привыкнешь к дорожному «комфорту»: переездам, перелетам. Если сможешь долгое время жить вне семьи. И главное — если сможешь выхлопотать двадцать пятый час у суток, чтобы позаниматься с собственным сыном, который заканчивает первый класс. А в остальном актрисой быть просто... Но если серьезно, говорить слова «легко», «сложно» — это только упрощать проблему, обеднять ее. Актер должен жить в театре, работать, не отвлекаясь ни на что другое. А это, поверьте мне, очень и очень непросто.

— И вам это удастся?

— Что ж, я ожидала этого вопроса. Актеры и актрисы, конечно же — отцы и матери семейств. Для многих из нас семья — основное. Вот типичная ситуация: с утра необходимо накормить мужа, отправить ребенка в школу. Но и актрисой надо остаться, суметь не

расплескать то, что накопилось в душе для роли. Если получилось, довольная летишь в театр, на репетицию. А еще — звонили со студии, утвердили на роль... Все это «нарабатывает» положительные эмоции. Правда, у меня больше свободы, чем у многих моих коллег. Основное время отдаю все-таки работе. Не знаю, как бы все сложилось, если бы не моя мама, которая воспитала нас с сестрой, а теперь с удовольствием растит своего внука Филиппа. Вот такой у нас современный «домострой»: практически все заботы по дому ложатся на плечи бабушки.

— А сын?

— С Филиппом мы большие друзья. Я стараюсь понять его, он — меня. Пока это получается неплохо!

— Вы хотите, чтобы он тоже стал актером?

— Я хочу, чтобы он стал хорошим человеком. Кем он станет — покажет жизнь. Вот я, например, родилась с мечтой стать актрисой. В двенадцать лет даже себе клятву дала: буду актрисой! И, конечно, после окончания школы вопрос «кем быть?» меня не тревожил. Он тревожил моих родителей. Отец, узнав, что я приняла в школу-студию МХАТа, приехал в Москву (я родилась и выросла на берегу Невы) с единственной просьбой к педагогам: отчислить его дочь и не портить ей жизнь... Как это было давно!

— Ваша самая дорогая роль?

— Все они бесконечно дороги. Но последняя работа, как водится, еще совсем живая боль, саднит душу. Это роль Анны Сергеевны, героини телекартины «Переступить черту». Моя героиня — женщина, обладающая даром гипноза. Волей случая она попадает на скамью подсудимых, встречается со следователем. Казалось бы, и здесь она может применить свои необычные способности, но не делает этого. Анна полюбила следователя. И первая любовь, пришедшая к ней довольно поздно, как бы пробудила ее...

Таких героинь у меня еще не было. Это вроде бы и не мое «амплуа», хотя я не люблю этого слова. Но тут уж пойти на эксперимент убедил режиссер Ю. Колтун. И теперь мне ясно, что и такие характеры мне под силу.

— Татьяна Григорьевна, а что же дальше?

— А дальше... Знаете, я, кажется, начинаю чувствовать, что сейчас для меня наступил период отчетливого понимания: вот это я делать могу и буду, а вот это — нет. Может быть, это и есть творческая зрелость?